DOI: 10.17976/jpps/2016.02.10

МАССОВАЯ ПОЛИТИКА: ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. отделом сравнительных политических исследований Института социологии РАН, профессор Всероссийской академии внешней торговли. Для связи с автором: patrushev2009@hotmail.com;
ФИЛИППОВА Людмила Евгеньевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. Для связи с автором: ludmila_filippova@hotmail.com

Статья поступила в редакцию 14.12.2015. Принята к публикации 11.01.2016

Аннотация. В статье предпринята попытка реконцептуализировать понятие "массовая политика", что, по мнению авторов, необходимо для более адекватного понимания причин, факторов и характеристик роста массовой политической активности в России и мире. Массовая политика рассмотрена как процессы, разворачивающиеся в институциональном пространстве мобилизации, представительства, участия и действия. Предложено дифференцировать типы массовой политики на основе различения понятий "политика масс(ы)", "политика граждан" и "политика множеств(а)". Выделены критерии, позволяющие относить конкретные формы массовой активности к тому или иному типу. Политика граждан определяется через ориентацию ее участников на реализацию прав и свобод гражданина (или борьбу за их предоставление / расширение / применение). Индивиды, включающиеся в политику масс, находятся в догражданском (доправовом) состоянии, они, по сути, осуществляют демонтаж (современной) политики. Политика множеств разворачивается во внегосударственном пространстве свободы и равенства, в котором индивид осуществляет права человека. На базе моделей институционализации и раскола С. Роккана разработана модель, описывающая основания массовой мобилизации и институционализации массовой политики; перечислены параметры, анализ которых позволяет оценить вероятность развития в направлении политики граждан либо политики масс. Осуществлена проверка ряда параметров с использованием данных массового опроса, проведенного летом 2014 г. Показано, что в России существуют предпосылки для становления как политики масс, так и политики граждан. Данные опроса свидетельствуют о наличии рисков массовизации человека; вместе с тем, выделяются группы респондентов, в определенной степени освоивших роль граждан. Формирование гражданской идентичности – *empowerment* – является необходимым условием демократической трансформации политического режима в России.

Ключевые слова: массы; граждане; множество; типы массовой политики; политическое представительство; политическая мобилизация; политическое участие; политическое действие; демократия; реполитизация; Роккан; институциональная модель; идентичность; расколы; эмпауэрмент.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Начало 2010-х годов ознаменовалось резким и для многих неожиданным подъемом массовой политической активности в самых разных регионах мира, включая Россию. В некоторых случаях массовые акции сопровождались обострением социальных и политических противоречий вплоть до вооруженных

конфликтов и свержения действующих властей. Вместе с тем в политической науке – как зарубежной, так и отечественной – в предшествующие несколько десятилетий проблематика участия масс в политике ушла даже не на второй, а на гораздо более дальний план. Российские политологи, как и их зарубежные коллеги, были склонны рассматривать политику как сферу взаимодействия элит, а рядовым гражданам отводить роль аполитичного, безликого "населения".

Новая волна протестных выступлений актуализировала вопрос о значении массового фактора в политическом процессе. Стало очевидно, что в рамках доминирующих подходов невозможно адекватно осмыслить происходящие события, и требуется реактуализация и реконцептуализация понятий "масса", "массовое участие", "массовая политика". Можно говорить о начавшемся процессе "реабилитации" анализа политики как пространства взаимодействия "широких народных масс" [см., например, Хевеши 2001; Mettler, Soss 2004; Piven 2006; Studlar, McAllister 2006; Шуровьески 2007; Courageous resistance... 2007; Welzel 2008; White 2009; Borch 2012; Campbell 2012 и др.]. Ряд шагов в этом направлении был проделан в последние годы и в российской политической науке[1].

Феномен массового вторжения в политику далеко не нов. Не уходя глубоко в историю, напомним, что обсуждение проблем, связанных с "неожиданным появлением" большого количества людей в политической жизни, которое получило название "массовая политика", шло чрезвычайно активно по крайней мере с начала XIX в., создав плотную сеть понятий и концепций, за которыми не всегда проглядывала реальность.

Употребление понятий "масса" и "массовая политика" менялось схожим образом: оба этих понятия могут трактоваться двояко. Понятие "массовая политика" чаще применялось в негативном смысле, как фактор разрушения существующих институтов и государства. Альтернативная точка зрения утверждает важность массовой политики для формирования политического пространства, для становления национального государства. В этом случае вовлечение масс в политику выступает одновременно причиной и следствием актуализации гражданских прав и дает возможность представителям самых разных слоев общества отстаивать свои интересы, что, в свою очередь, служит средством повышения эффективности государственного управления.

Исторически появление массовой политики сопровождалось образованием (или обновлением) институтов политического представительства, в частности, в виде избираемых всеобщим голосованием парламентов, а также институтов политического участия и политического действия в виде, прежде всего, массовых партий, опосредованных институтами политической мобилизации. По существу, речь шла, с одной стороны, о конституировании политического поля и разворачивании политического процесса (того, что называется политикой Модерна, или современной политикой), а с другой стороны – о формировании национальных государств и политических систем [Патрушев, Филиппова 2015].

Кризис демократических форм легитимации в условиях глобализации, которая влияет на политическую повестку и на возможности контроля политических решений, обусловил возрождение интереса к массовой политике, т.е. к предпочтениям и поведению граждан и их представителей [Hellwig

[1] В частности, в 2014 г. четвертый номер журнала "Политическая наука" вышел с темой "Массовый фактор в современной политике" и был целиком посвящен современному состоянию исследований массовой политики. См. также [Пензин 2004; Яковенко 2009; Казинцев 2010].

2015: 21-24]. Глобализация повышает значение таких вопросов, как качество жизни, здравоохранение, преступность, коррупция или окружающая среда, которые лежат за пределами собственно экономики и относятся к вопросам "жизненного цикла" [Jensen 2012]. Изменение эгоистического поведения граждан и их представителей ведет к переориентации массовой политики и ее исследования: суть массовой политики проясняется через изучение общественного мнения и партийной конкуренции, а не через исследования партийной окраски правительств или местных политических институтов. В качестве нового потенциального субъекта политики начинает рассматриваться множество [Хардт, Негри 2006; Пензин 2006; Вирно 2013; Чижова 2013]. Множества актуализируются в форме сети сингулярных субъективностей, различных и уникальных, которые и не обладают общей идентичностью (как народ), и не обезличены (как масса). Введение в научный оборот понятия "множество" позволяет коренным образом пересмотреть взаимоотношения государства и граждан как "единого" и "многого": "В отличие от центростремительной и унифицирующей коллективности 'народа', коллективность 'множества' означает высший уровень индивидуации, делающий невозможным передачу полномочий суверену (государству)" [Пензин 2013: 168].

ПОЛИТИЧЕСКОЕ, ДЕМОКРАТИЯ И МАССОВАЯ ПОЛИТИКА

Правила, конституирующие институты, действуют в трех взаимозависимых "мирах" (уровнях): "действий" (оперативный уровень); "коллективного выбора"; "конституционного выбора" – формулирования "правил о правилах принятия решений" [Kiser, Ostrom 1982]. Эффективность управления, в том числе государственного, обеспечивается коллективными решениями, согласованными с индивидуальными решениями, включая проблему баланса элитных и массовых ролей в процессе принятия решений.

Это рассуждение подводит нас к выяснению специфики политического и демократии и связи между ними. Политика может определяться не через власть, но как особый образ действия, используемый индивидом и подлежащий ведению особой рациональности [Рансьер 2006: 195]. Демократия есть особая ситуация, где отсутствие права дает право на осуществление власти, это власть того, кто не властвует. Гражданин, участвующий во власти, мыслим, только исходя из демоса. Поэтому демократия есть институт политики, институт ее субъекта и формы ее отношений. Парадокс понятия "власть демоса" в том, что властвуют те, особенностью коих является отсутствие всякого права управлять [там же]. Незавершенность демократического проекта эпохи Модерна показывает, что демократия как власть каждого в интересах всех может появиться только снизу [Кильдюшов 2006].

Доминировавшие до недавнего времени концепции, вслед за В. Парето и Й. Шумпетером [Парето 2011; Шумпетер 1995], отводили элитам главную роль в политической трансформации и фактически отрицали влияние на элиты со стороны массы рядовых граждан. Как заметили Р. Инглхарт и К. Вельцель, отсюда следовал "парадоксальный вывод, что в условиях демократии предпочтения масс фактически не имеют значения – хотя сама сущность демократии состоит в том, что дело обстоит *ровно наоборот*" [Инглхарт, Вельцель 2011: 243].

С середины 2000-х годов развивается подход, который ставит в центр внимания граждан, подчеркивая, что именно борьба оппозиционных (но не ориенти-

рованных на насилие) масс с противостоящими им элитами является движущей силой демократического перехода и позволяет закрепиться демократическим ценностям и практикам [Демократизация 2015: 163]. Хотя оформление политических решений остается функцией элит, последние действуют под прессингом "глубинных социальных сил", которые определяются как "массовые тенденции, служащие мотивацией для коллективных действий, направляющие их в сторону конкретных результатов – например, формирования той или иной конфигурации институтов, позволяющей сделать реальностью эффективную демократию" [Инглхарт, Вельцель 2011: 306]. Демократизация может осуществиться при условии *массового запроса* на демократию, наличия "критической массы" людей – носителей гражданских ценностей (равенства, свободы, толерантности, самоопределения и самореализации) [Демократизация 2015: 237].

Расширение запроса на демократию является прямым (но не неизбежным) следствием модернизации. Усложнение социальной структуры, повышение уровня жизни населения, рост числа образованных людей и людей, занятых интеллектуальным трудом, упрощение доступа к информации и увеличение мобильности населения "увеличивают и улучшают ресурсы, доступные рядовым гражданам, а это, в свою очередь, повышает способность масс начинать и поддерживать коллективные действия по артикуляции общих требований и тем самым оказывать давление на государственные власти" [там же: 159-160]. Модернизация "повышает возможности и желание рядовых граждан бороться за демократические свободы" [там же: 168].

Расширение возможностей граждан и распространение гражданских ценностей личной автономии и самовыражения выходят на первый план, радикально меняя отношение людей к власти и смысл участия в политике. Снижение авторитета политических элит, падение уровня явки на выборы и численности традиционных партий и движений оказываются признаком не деполитизации, а, скорее, "реполитизации" масс – поиска новых форм и способов гражданского и политического участия и действия. В современном обществе размывается именно "средний" уровень активности – давление на власть на уровне национального государства с целью обеспечения (прежде всего, экономических) интересов больших социальных групп. "Ниже" и "выше" наблюдаются и рост активности, и большее разнообразие ее форм – как "низовых" движений и инициатив, так и трансграничных, глобальных движений (например, экологов и др.). Активность на этих уровнях нарастает, несмотря на то что далеко не всегда ее результатом становится пересмотр решений властей: "Политическое самовыражение приобретает ценность само по себе, а не как способ достижения каких-либо конкретных результатов" [Инглхарт, Вельцель 2011: 73].

Сегодняшние массовые акции на улицах городов стран "старой" демократии представляют собой иной феномен, нежели демонстрации, которые проходили на тех же улицах в эпоху становления массовых партий и общественных движений, борьбы за всеобщие избирательные права или в период "студенческой революции" конца 1960-х годов. Можно предположить, что возникающая новая социальность формирует и новый тип субъектности масс, и, следовательно, новое пространство политического (или постполитического), которое структурируется не взаимоотношениями "общество – государство", а сложной сетью отношений между трансграничными множествами, национальными и наднациональными властными структурами и другими глобальными акторами.

Интерес к новым акторам глобального политического процесса, к диффузному, гетерогенному множеству, молчаливому до сих пор большинству, не воспринимавшемуся ранее в качестве потенциального субъекта политики, крайне актуален. Множество нуждается в радикальном понятии демократии: глобальный запрос на демократию уже существует [Хардт, Негри 2006: 326]. Кризис репрезентации и требования демократизации – это аспекты процесса политической эмансипации множества.

Опыт типологии массовой политики

Мы предлагаем анализировать массовую политику как процессы, разворачивающиеся в институциональном пространстве *мобилизации*, *представительства*, *участия* и *действия*. Мобилизация рассматривается нами как процесс включения индивидов в институты участия, действия и представительства, иными словами, в политику; представительство – как совокупность механизмов, позволяющих индивидам трансформировать свои интересы в управленческие решения, участие – как деятельность, связанная с воспроизводством политического порядка и обеспечивающая социальную и политическую стабильность, а действие – как деятельность, направленная на трансформацию порядка.

Определение предметного поля исследования массовой политики предполагает различие между ее типами в зависимости от характера субъектности участников и оснований их вовлечения в участие. Мы предлагаем дифференцировать типы политики, исходя из различения понятий "масса", "граждане" и "множество" (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Типы (массовой) политики

Types of (Mass) Politics

Массовая политика (родовое понятие)	Субъекты	Основание
Политика масс(ы)	Масса(ы) – недифференцированные, атомизированные, отчужденные индивиды; единство, структура которого либо предельно неустойчива, либо не имеет значения; простейшая форма общности, основана на абсолютном сходстве ее членов: "социальная протоплазма", орда, неразличенное множество, простое сложение однотипных элементов; различается по мощности – численности и плотности скопления на определенной территории.	Базовые нужды
Политика граждан	Граждане – индивиды, наделенные государством статусом и реализующие публичную роль гражданина, связанные коллективными обязательствами с другими индивидами; носители *гражданских добродетелей* – доверия, уважения к другому индивиду, равенства, справедливости, лежащих в основе норм социальных взаимодействий в пределах гражданского общества, или народа (нации) как политического единства (государства).	Гражданские права
Политика множеств(а)	Множество – форма общественного и политического существования многих в качестве многих; формы социальной и политической субъективности; родовые человеческие способности (интеллект, язык, социальные навыки) как основа негосударственных форм объединения "общественных индивидов"; многообразие, ограниченное правом и моралью.	Права человека

"Классическая" политика граждан в условиях структурированного общества означает конституирование политического, институтов представительства, политического участия и политического действия и потому императивна политической демократии. Для нее эффективна стратегия эмпауэрмента (*empowerment*), которая начала формироваться в конце 1960-х годов в русле массовых студенческих волнений и новых социальных движений [Alexander, Welzel 2011]. Обоснование и содержательное наполнение политики граждан обусловлены тремя темами: идентичность и политическая субъектность; разнообразие и право на различие; новая парадигма власти. Они заложили основу для демократического вектора массовой политики – в сторону "умной толпы" и ее "цивилизационной компетентности" [Штомпка 2005].

"Классическая" политика масс возникает в условиях слома социальных структур, сопровождает (или инициирует) деструктивные процессы и ведет к деинституционализации, упразднению политического с возможной перспективой его восстановления в новых формах и с новым содержанием. Феномены массы и массового сознания ситуативны, они возникают как признаки и последствия кризисных процессов и проблем формирования нового порядка.

Становление политики множеств также может рассматриваться как продукт кризиса общества и политики Модерна и как один из элементов формирования нового социального порядка (потенциально – радикального пересмотра сущности социального вообще и политического в частности). Множества возникают в парадоксальном соединении частного и всеобщего: с одной стороны, в них проявляются предельная индивидуализация и автономия человека, свобода и анонимность в пространстве (виртуальной) коммуникации; с другой стороны – космополитизм и постоянное осознание взаимосвязи и взаимозависимости между всеми жителями Земли. Политика множеств, таким образом, разворачивается в потенциальном "пространстве всемирной внутренней политики" [Бек 2007: 9], в котором упраздняется различие между внутриполитическим и внешнеполитическим, а реализация и отстаивание прав человека ставятся выше законов отдельных государств.

Первой исследовательской задачей является выделение критериев, позволяющих относить конкретные формы массовой активности к тому или иному типу массовой политики. На практике границы между этими типами могут быть очень нечеткими, а внешних, формальных признаков (соответствие / несоответствие закону, применение / неприменение насилия, оппозиционная / провластная направленность и т.п.) недостаточно для однозначной классификации. Кроме того, никакое событие, подразумевающее участие масс, не может быть рассмотрено изолированно, вне более широкого контекста, включающего в себя и наличный институциональный порядок, и "альтернативный" порядок, потенциально создающийся в результате этого события.

Если политика граждан – это "субстрат" *демократического* политического процесса, то первоочередной критерий для ее определения – это ориентация включающихся в политику индивидов на реализацию прав и свобод *гражданина* (или борьбу за их предоставление / расширение / применение). Масса же находится в догражданском (доправовом) состоянии и лишь от противного может быть включена в политическое. В свою очередь множества создают новое внегосударственное пространство свободы и равенства, в котором, как полагает У. Бек, индивид осуществляет права [человека] против собственного государства [там же: 403].

Отталкиваясь от критерия прав, выделим ряд признаков (как формальных, так и сущностных), характеризующих мобилизацию, представительство, участие и действие в различных типах массовой политики (см. табл. 2). Анализ того, каким содержанием наполняется каждый из этих элементов, позволяет дифференцировать политику масс, политику граждан и политику множеств.

Таблица 2 (Table 2)

Типы политики: институциональные характеристики

Types of Politics: Institutional Features

Тип политики	Характеристики
Мобилизация – совокупность факторов, определяющих способы включения индивидов в институты участия, действия и представительства, в политику	
Политика масс(ы)	- отсутствие представлений о / неприятие концепции прав и свобод гражданина и человека; - сугубо частные интересы; - страх; - желание единения
Политика граждан	- признание и поддержка концепции прав и свобод гражданина; - отстаивание своих/чужих прав и свобод; - частные интересы общественного значения
Политика множеств(а)	- признание и поддержка концепции прав и свобод человека; - равная ценность и достоинство; - солидарность; - справедливость; - проект иного общества; - самореализация
Представительство – особенности функционирования институтов трансформации интересов индивидов в управленческие решения	
Политика масс(ы)	- вождизм; - отказ от личной ответственности
Политика граждан	- признание и поддержка концепции представительства; - делегирование прав гражданина избранным представителям; - система массовых партий
Политика множеств(а)	- отказ от представительства; - личная ответственность; - принятие решений путем общественных дискуссий и консенсуса
Участие – каким образом осуществляются практики воспроизводства политического порядка и обеспечения социальной и политической стабильности	
Политика масс(ы)	- ритуальное голосование на выборах; - “персональное” голосование; - участие в выборах и коллективных действиях с целью поддержки власти как залога стабильности; - аффективное участие в коллективных действиях
Политика граждан	- высокая степень интереса к политике; - участие в коллективных действиях по мотивам отстаивания прав и свобод; - индивидуальные способы выражения согласия или протеста с целью повлиять на принятие решений; - “программное” голосование; - большая активность на “низовых” выборах
Политика множеств(а)	- публичная критика практик представительной демократии, поддержания существующего политического порядка; - практики реализации прав человека; - защита множественного опыта, форм непредставительной демократии, негосударственных обычаев и нравов

Продолжение таблицы 2

Тип политики	Характеристики
Действие – каким образом осуществляются практики, направленные на трансформацию порядка	
Политика масс(ы)	- коллективные действия, направляемые харизматичным лидером с целью изменения порядка, возможны в случае потери властью авторитета у масс и сильного недовольства социально-экономической ситуацией
Политика граждан	- коллективные действия с целью изменения политического порядка, расширения прав и свобод гражданина, возможностей их отстаивания; - практики (в том числе выборы), нацеленные на эволюцию порядка к делиберативной или партисипативной демократии
Политика множеств(а)	- коллективные действия по реализации модели консенсусной и / или прямой демократии; - отказ от практик представительной демократии; - отказ признавать законы как обязательную рамку для действий на основе прав человека; - негосударственные формы объединения людей; - гражданское неповиновение

ЛОГИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

На примере истории некоторых государств (прежде всего западноевропейских) можно проследить последовательные переходы от политики масс к политике граждан и далее к политике множеств. Однако мы полагаем, что было бы неправильно рассматривать эти типы массового вовлечения людей в политику как стадии линейного, однонаправленного процесса. Соотношение между формами массовой политики и переходы между ними могут в значительной степени варьироваться.

Так, политика граждан не исключает политику масс (становление в первой половине XX в. фашистских режимов, в значительной степени базировавшихся на политике масс, было результатом вовлечения в политику групп граждан, до того лишенных возможности представлять свои интересы, т.е. процесса формирования массовой политики). Политика масс же, скорее, препятствует политике граждан (хотя и не исключает ее полностью), поскольку, во-первых, она не способствует формированию институциональных основ представительства, участия и действия (или даже разрушает их там, где они имеются) и, во-вторых, подменяет конструктивную активность имитационной, способствуя тем самым отчуждению граждан от политики.

Как кризисное явление политика масс неустойчива и не может осуществляться в течение длительного времени, она, скорее, приведет к деинституционализации политического пространства и "выталкиванию" масс из политического процесса, нежели эволюционирует в политику граждан. В то же время даже в стабильных демократиях устойчивые институты гражданской политики не являются абсолютной гарантией невозможности "возврата" граждан к состоянию массы и их включения в антиправовые, антигосударственные массовые действия.

С. Роккан рассматривал два параллельных ряда процессов в европейских политических системах, начиная с 1789 г.: во-первых, *шаги в институционализации формальной массовой демократии* – создание гарантий для свободы организованной конкуренции, расширение франшизы, стандартизация тайного голосования, снижение порогов представительства, введение различных мер парламентского

контроля над национальной исполнительной властью; во-вторых, *рост и стабилизацию организаций для мобилизации массовой поддержки* через новые каналы, формирование и "замораживание" организованных партийных альтернатив внутри каждой национальной политической системы [Rokkan 1970].

Институциональная модель характеризует изменения в унаследованных структурах элитного обмена в пределах территории и предсказывает реакции на требования массового участия; модель раскола перебирает возможные основания идентичности для массовой мобилизации. В институциональной модели акцент делается на устоявшиеся традиции взаимодействия, в модели раскола – на реакции на нарастающие приливы культурной, экономической и политической мобилизации. Каждая из моделей описывается своим набором переменных.

Мы ограничились использованием блока мобилизации и институционализации и выделили параметры, необходимые для объяснения условий становления политики граждан / политики масс (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Массовая политика: параметры и индикаторы

Mass Politics: Parameters and Indicators

Параметры	Индикаторы
Уровень социальной мобилизации	Уровень и характер образования, характер распространения информации, гражданская компетентность Соотношение секторов в экономике (государственный / частный) Уровень мобильности населения (в том числе миграция)
Уровень институциональной открытости для мобилизации	Реализация избирательных прав (соблюдение принципов равенства прав и т.д.) Тип избирательной системы (мажоритарная – пропорциональная – смешанная) Тип представительства (персональное – институциональное)
Уровень организационной мобилизации	Наличие / отсутствие политических партий, профсоюзов, светских / религиозных общественных движений, динамика их количества и численности участников Динамика уровня явки на выборы
Элитные решения по институционализации массовой демократии	Защита или ограничение прав оппозиции Расширение избирательного права Снижение порогов представительства Снижение порогов для участия в исполнительной власти
Политическая идентичность и расколы (*cleavages*)	Лояльность – оппозиционность Территориальная (в том числе "город – село"), национальная (в том числе культурная и языковая), религиозная идентичность Экономические неравенства (уровень доходов, владение собственностью) Профессиональная идентичность Классовая идентичность[1]
Уровень насилия в отношениях между формирующимися политическими общностями	Применение насилия участниками массовых акций (в том числе вандализм, захват административных зданий и пр.) Применение насилия представителями государства (в том числе количество задержаний участников акций, объем штрафов)

[1] Доминирующая в последние десятилетия точка зрения, согласно которой классовая принадлежность в постиндустриальном обществе утрачивает политическое значение, все чаще оспаривается: исследователи отмечают, что и в современном мире возможности, которые предоставляет принадлежность к тому или иному классу, и ограничения, которые она накладывает, в значительной степени определяют уровень и модели политической активности [см., например, Lamprianou 2013: 35-36].

Мы полагаем, что анализ ситуации в современной России по параметрам, обозначенным выше, позволяет оценить уровень структурированности политического пространства и потенциал массового вовлечения в политику. Основное внимание мы уделяем оценке перспектив формирования в России политики граждан и рисков формирования политики масс, оставляя за рамками исследования политику множеств, поскольку, на наш взгляд, говорить о перспективах формирования полноценного пространства политики множеств в нашей стране преждевременно. Отдельные вновь возникающие "новаторские" формы массовой активности в России могут быть оценены как зачатки политики множеств, однако они актуальны лишь для очень небольшого процента жителей России, ограничиваются несколькими крупными городами и не воспринимаются всерьез ни властями, к которым эти акции обычно обращены, ни большинством населения. Следует отметить и то, что и на Западе только намечены контуры новой политической реальности, и вопрос полноценного утверждения политики множеств остается открытым.

Глубокое и всестороннее изучение ситуации требует привлечения информации разного рода и применения различных методов анализа. В частности, могут быть использованы статистические данные из официальных и неофициальных источников (для оценки уровня социально-экономического неравенства, динамики численности участников массовых выступлений, членства в различных политических объединениях и пр.), анализ нормативных актов, регламентирующих разные формы политического участия, анализ программных документов политических партий и текстов выступлений политиков (реконструкция дискурса массового вовлечения в политику). Нами была осуществлена проверка ряда параметров модели с использованием данных массового опроса, проведенного летом 2014 г. (опрос проводился в 37 населенных пунктах в 6 федеральных округах РФ, опрошено 1355 респондентов, отобранных методом стихийной выборки с соблюдением квот по типу населенного пункта, полу и возрасту).

УРОВЕНЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

В целом респонденты опроса демонстрируют сочетание достаточно высокого уровня интереса к политике с низким уровнем актуального участия. Отвечая на вопрос: "Насколько Вы интересуетесь политикой?", 64% респондентов выбрали варианты ответа "Очень интересуюсь" и "В некоторой степени интересуюсь", 34% – "Мало интересуюсь" и "Совсем не интересуюсь". 56% респондентов считают себя политически информированными людьми, 40% таковыми себя не считают. 68% респондентов утвердительно отвечают на вопрос о наличии у них политических взглядов (варианты ответов "Да, есть" и "Скорее есть"), в то время как отрицательно отвечают всего 25% ("Скорее нет" и "Нет"). Однако политически активными людьми себя считают только 19% опрошенных (не считают себя политически активными 73%).

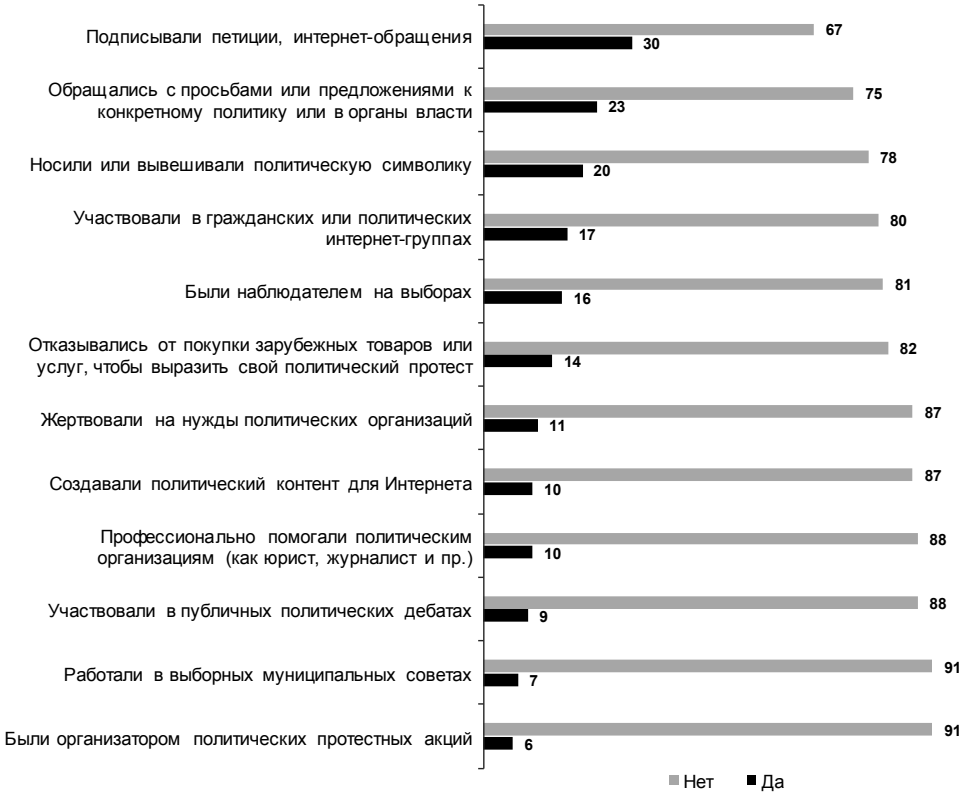
По предложенному респондентам списку различных форм гражданской и политической активности доля тех, кто в течение года предпринимал те или иные действия, колеблется от 6 до 30%. При этом наибольшая доля респондентов приходится на наименее "трудозатратные" и наименее "контактные" (т.е. в меньшей степени связанные с непосредственным, "лицом к лицу", взаимодействием с другими – социальными и институциональными – акторами

политического процесса) формы – подписание петиций и интернет-обращений и ношение политической символики (см. рис. 1).

Рисунок 1 (Figure 1)

Можно по-разному пытаться улучшить положение дел в России или избежать принятия неправильных решений. Предпринимали ли Вы на протяжении последнего года что-либо из нижеследующего? (% респондентов)

There Can be Different Ways to Improve the Situation in Russia, or to Avoid Making Wrong Decisions. Have you Attempted any of the Following in the Last Year? (Percent of respondents)



На вопрос о личном участии в митингах, демонстрациях или других выступлениях граждан с политическими требованиями утвердительно ответили 18% респондентов, отрицательно – 60%, при этом 16% выбрали вариант ответа "В нашем городе, районе не бывает таких митингов, демонстраций".

В рамках опроса респондентам был задан вопрос о возможности повторения в России массовых протестных выступлений, аналогичных тем, которые происходили в последние годы в разных странах мира (см. табл. 4). Показательно, на наш взгляд, что среди респондентов, посчитавших возможной массовую протестную активность в России, оказалось примерно поровну тех, кто полагает, что такие же люди, как они, могут принять участие в подобных акциях, и тех, кто так не считает. Не слишком различаются и доли тех, кто думает, что массовые протесты разрушительны для общества (43%), и тех, кто считает, что массовые протесты ведут к позитивным изменениям в обществе (35%).

Почти две трети респондентов соглашаются с утверждением о том, что "Большинству людей нечего делать в политике, политика – дело профессионалов" (60% против 32% не согласившихся). Однако они не готовы отдать на откуп политикам решение наиболее важных для общества вопросов и не считают, что правительство может действовать без оглядки на мнение большинства населения.

Вероятно, россияне проводят различие между "влиянием на" политику и "участием в" политике: они хотят, чтобы политики учитывали их потребности и действовали в их интересах, но не хотят соприкасаться с политикой непосредственно и самостоятельно предпринимать активные действия для реализации своих интересов. Показательно то, как респонденты объясняют причины неучастия людей в политике: на первый план выходят отсутствие у них реальных инструментов влияния на власть и неумение пользоваться своими политическими правами, а то, что политика воспринимается как "сложное" или "грязное" дело, оказывается не столь важно (см. табл. 5).

Таблица 4 (Table 4)

Перспективы массовых протестных акций в России (% респондентов)

Prospects of Mass Protest Actions in Russia (Percent of Respondents)

В последнее время в мире наблюдаются массовые выступления, которые кто-то считает реализацией права на протест, кто-то – беспорядками. Возможно или невозможно что-то похожее в России в обозримом будущем?	
Возможно	54
Невозможно	31
Если такого рода события возможны, то, на Ваш взгляд, насколько вероятно, что люди, подобные Вам, будут в них участвовать?	
Весьма вероятно	22
Вероятно	24
Маловероятно	34
Исключено	10

Таблица 5 (Table 5)

Как Вы считаете, почему многие граждане России, кроме выборов, не участвуют в политической жизни? (% ответов)

In your Opinion, why many Russian citizens do not Participate in Political Life, other than Voting in Elections? (Percent of Respondents)

Нет реальных инструментов влияния на власть	30
Не умеют пользоваться своими политическими правами	28
Для них это неинтересно	27
Нет времени, заняты другими делами	19
Политика – сложное дело, она для профессионалов	15
Власть принимает решения быстрее и эффективнее, чем граждане	10
Политика – слишком грязное дело	10
Это опасно для гражданина и его семьи	10
В России нет политической жизни	9

УРОВЕНЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ОТКРЫТОСТИ ДЛЯ МОБИЛИЗАЦИИ

Отношение россиян к участию "простых" людей в политике неоднозначно (см. рис. 2). В целом можно говорить о том, что россияне демонстрируют желание влиять на формирование повестки дня и принятие решений, но скептически оценивают свои возможности в этой сфере. В среднем только 4-5% респондентов считают, что они могут влиять на принятие решений на различных уровнях и в различных сферах политической жизни (см. рис. 3).

Рисунок 2 (Figure 2)

"Вы согласны или не согласны со следующими утверждениями?" (% респондентов)

Do you Agree with the Following Propositions? (Percent of Respondents)

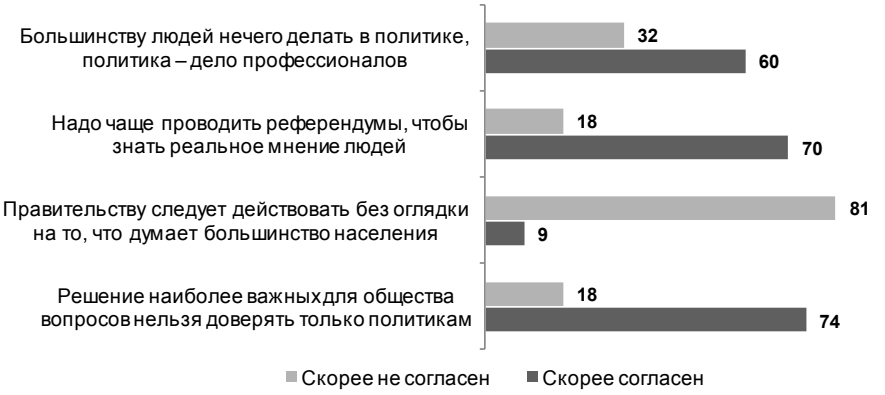


Рисунок 3 (Figure 3)

На какого рода решения Вы можете или хотели бы влиять или же считаете, что это не Ваше дело, Вас не касается? (% респондентов)

Can you Influence, or want to be Able to Influence, Decisions in Following Areas, or do you Think these are None of Your Business? (Percent of Respondents)



С утверждением о том, что "У нас любой, кто хочет, имеет возможность заниматься политикой", согласен 31% респондентов, не согласны – 54%. Примечательно, что половина респондентов не стремится к тому, чтобы к власти пришли политики или партии, выражающие их интересы. На наш взгляд, это еще одно свидетельство того, что в сознании россиян политическая сфера

(как деятельность политиков, так и политическая активность рядовых граждан) не связывается с решением насущных проблем их повседневной жизни. Соответственно, "репертуар" действий, которые готовы предпринимать респонденты в политической сфере, ограничен (см. табл. 6).

Таблица 6 (Table 6)

Если Вы стремитесь к тому, чтобы в будущем к власти пришли политики / партии, выражающие Ваши интересы, что конкретно Вы готовы сделать уже сейчас? (% ответов)
If you Want Politicians / Parties Representing your Interests to Come to Power in the Future, What Exactly are You Ready to Do Right Now? (Percent of Answers)

Не стремлюсь	54
Пропагандировать идеи политиков / партии среди знакомых, в Интернете	15
Участвовать в деятельности партии	13
Участвовать в политических акциях	13
Помогать "своим" политикам и партии, работающим в представительных органах	10
Организовать или участвовать в организации политической партии	8
Создавать группы сторонников в социальных сетях	8

Участие в выборах остается наиболее распространенной (а для многих россиян – единственной) формой политической активности, при этом уровень участия снижается от общефедеральных до местных выборов (см. табл. 7).

Таблица 7 (Table 7)

Как часто Вы голосовали на выборах? (% респондентов)
How Often do You Vote in Elections? *(Percent of Respondents)*

	Всегда	Иногда	Никогда
Президента России	63	24	12
В Государственную Думу	43	36	19
На региональных выборах	37	37	23
На местных выборах	40	35	22

75% респондентов заявляют о том, что для них важна сама возможность голосовать (не важна для 18%). Однако преобладающая мотивация участия в выборах – "идеологическая", а не "прагматическая": голосование – это способ реализации избирательного права, а не способ отстаивания своих интересов и достижения конкретных результатов (см. табл. 8).

Таблица 8 (Table 8)

Что побуждает Вас участвовать в выборах?
What Drives You to Take Part in Elections?

Желание реализовать право выбирать	76
Хочу влиять на политику страны	66
Недовольство действующей властью	57
Поддержка действующей власти	38
Привычка	33
Личная выгода	14

УРОВЕНЬ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Уровень организационной мобилизации современных россиян крайне низок. Только 10% респондентов опроса заявили о том, что они участвуют в деятельности какого-либо политического объединения (не участвуют 87%); 16% являются членами профсоюзов, 5% – творческих организаций, 4% – молодежных (студенческих) организаций, 2% – объединений предпринимателей, 1% – организаций ветеранов войны и воинской службы, 74% респондентов не являются членами ни одной из вышеперечисленных организаций. Уровень доверия к партиям превышает уровень доверия к политическим движениям и неформальным активистским группам (30% против 14 и 9%), однако четверть респондентов не доверяют никаким формам политических объединений (см. табл. 9).

Таблица 9 (Table 9)

Какая форма политического объединения вызывает у Вас больше доверия? (% ответов)
What Form of Political Association do you Trust the Most? (Percent of Answers)

Политическая партия	30
Политическое движение	14
Неформальная группа политических активистов	9
Не доверяю любым политическим объединениям	25
Затрудняюсь ответить	23

Доля тех, кто считает, что в России нет политических партий, которые действуют в их интересах, превышает долю тех, кто считает, что такие партии есть (43% против 31%).

ЭЛИТНЫЕ РЕШЕНИЯ ПО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ МАССОВОЙ ДЕМОКРАТИИ

Во взглядах россиян на политическую конкуренцию и на отношения власти и оппозиции также обнаруживаются противоречия. Среди респондентов опроса оказалось больше тех, кто считает единство различных политических сил более полезным для России, нежели конкуренцию между ними – 55% против 25%. При этом распределение ответов на вопрос "Как Вы относитесь к существованию оппозиции в стране?" оказалось практически зеркальным (см. табл. 10).

Таблица 10 (Table 10)

Отношение к оппозиции (% респондентов)
Attitudes towards Opposition (Percent of Respondents)

Как Вы относитесь к существованию оппозиции в стране?		**Как Вы полагаете, должна ли действующая власть препятствовать или содействовать формированию и развитию легальной оппозиции?**	
Положительно, различие позиций, политический выбор необходимы	58	Препятствовать	14
Отрицательно, наличие оппозиции мешает эффективности государства	19	Содействовать	46

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РАСКОЛЫ (*CLEAVAGES*)

Определить свои политические взгляды респондентам оказалось сложнее, нежели соотнести свои интересы с интересами тех или иных социальных

групп – затруднились с ответом почти четверть опрошенных (см. табл. 11, 12). При этом явной взаимосвязи между социальной идентичностью и политическими взглядами в данном опросе выявить не удалось.

Таблица 11 (Table 11)

По Вашему мнению, интересы какой социальной категории из нижеперечисленных Вам наиболее близки, с кем у Вас наиболее схожие взгляды, проблемы, потребности? (% ответов)
In your Opinion, Which Social Category's Interests are the Closest to Yours, Who Shares Your Views, Problems, and Demands? (Percent of Answers)

Рабочие, работники физического труда	29
Интеллигенция	22
Служащие, "белые воротнички"	13
Предприниматели, бизнесмены	11
Руководители	7
Другая группа	5
Крестьяне	4
Ни одной из перечисленных	14

Таблица 12 (Table 12)

Если у Вас есть политические взгляды, то как бы Вы могли их определить? (% ответов)
How Can you Define your Political Views, if You Have Any? (Percent of Answers)

Демократический социализм	21
Гуманизм	17
Социализм	11
Коммунизм	10
Анархизм	6
Экологизм	6
Консерватизм	5
Левый либерализм	3
Монархизм	3
Национализм	2
Правый либерализм	2
Христианский социализм	2
Другое	2
Феминизм	1
Затрудняюсь ответить	24

На наш взгляд, потенциальные политические расколы более эффективно выявляются с помощью косвенных вопросов. Так, представляет интерес распределение ответов на вопрос о целесообразности введения ограничений при выдвижении кандидатов на выборные должности (см. рис. 4).

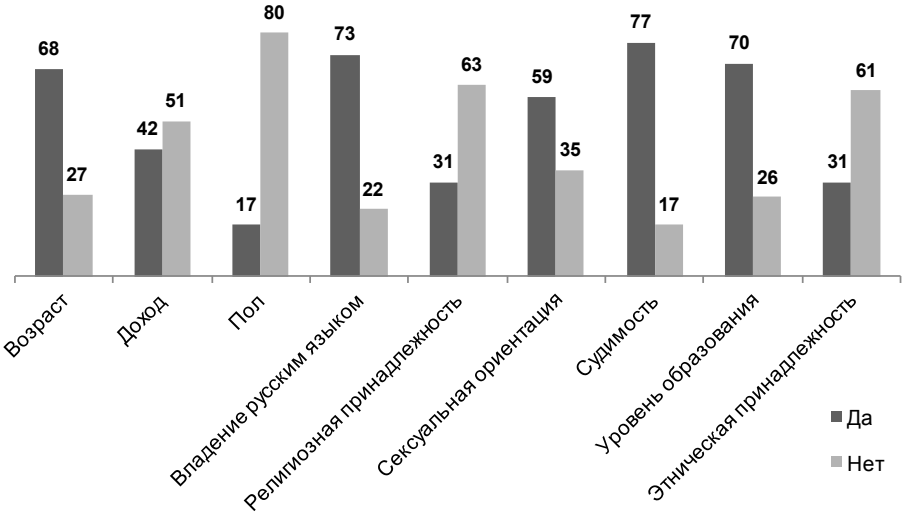
Потенциальные "точки раскола", в которых в наибольшей степени проявляется разделение на "своих" и "чужих", – это экономическое неравенство и отношение к сексуальной ориентации, в несколько меньшей степени –

религиозная и этническая принадлежность. Важно отметить, что значимой "точкой раскола" остается отношение к действующей власти – 28% респондентов заявили о своей готовности при необходимости поддержать власть на митингах и демонстрациях, 48% поддержать власть не готовы.

Рисунок 4 (Figure 4)

При выдвижении кандидатов в депутаты и при голосовании за них целесообразно или нет, на Ваш взгляд, ввести ограничения по следующим признакам?

In your Opinion, is it Advisable to Limit Candidates' Nominations and Voting on Following Grounds?



Таким образом, анализ данных опроса подтверждает вывод о существовании в современной России предпосылок как для становления политики масс, так и для становления политики граждан. Значительная доля не вполне социально, политически и идеологически определенных индивидов свидетельствует о рисках массовизации человека и включения его во властные практики в этом качестве. Вместе с тем выделяются группы респондентов, в определенной степени освоивших роль *граждан* (именно формирование гражданской идентичности – эмпауэрмент – рассматривается нами как необходимое условие демократической трансформации политического режима в России [Патрушев 2012]). Поэтому дальнейший анализ должен быть направлен на оценку того, в какой степени россиянами восприняты гражданские ценности и насколько они готовы к демократически ориентированному политическому действию (индивидуальному и коллективному).

Формальное наличие институтов демократического представительства и участия, не сопровождающееся массовым запросом на демократию, не актуализированная в массовом сознании проблематика гражданских прав, а также все большая закрытость элит, монополизация политической "повестки дня" и маргинализация самого принципа соревновательности в политическом процессе свидетельствуют о том, что в России не сформировано пространство современной политики. Как следует из исторического опыта, даже насильственное "вытеснение" масс из политики имеет свои временны*е* пределы. "Возвращение" масс в политику неизбежно, и события

начала 2010-х годов это подтверждают, более того, усиление экономической и внешнеполитической нестабильности может интенсифицировать этот процесс. Перспективы политического развития России тесно связаны с тем, какой тип политической субъектности будет формироваться в ближайшие несколько лет.

Бек У. 2007. *Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия*. М.: Прогресс-Традиция; Территория будущего. 464 с.

Вирно П. 2013. *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*. М.: Ад Маргинем. 177 с.

Демократизация. 2015. Сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 1065 с.

Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство. 464 с.

Казинцев А. 2010. *Возвращение масс: дневник современника*. М.: Наш современник. 688 с.

Кильдюшов О. 2006. Майкл Хардт, Антонио Негри. Множество: война и демократия в эпоху Империи. – *Критическая Масса*. № 2. Доступ: http://magazines.russ.ru/km/2006/2/ki30-pr.html (проверено 16.01.2016).

Парето В. 2011. *Трансформация демократии*. М.: Территория будущего. 205 с.

Патрушев С.В. 2012. Становление гражданской идентичности в России: из социума клик к практикам гражданственности. – *Философские науки*. № 11. С. 57-67.

Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. 2015. Концептуальные основы изучения массовой политики. – *Российская политическая наука: идеи, концепции, методы*. Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс. (Серия "Российская политическая наука: Истоки и перспективы". Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной). С. 36-46.

Пензин А. 2004. "Революционное чудовище": понятие множества в философии Антонио Негри. – *Синий диван*. № 5. С. 36-61.

Пензин А. 2006. Новые социальные субъекты: версия Паоло Вирно. – *Прогнозис*. № 3. С. 145-165.

Пензин А. 2013. M for Multitude. Вместо послесловия. – Вирно П. *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс. С. 148-174.

Рансьер Ж. 2006. *На краю политического*. М.: Праксис. 240 с.

Хардт М., Негри А. 2006. *Множество: война и демократия в эпоху Империи*. М.: Культурная революция. 559 с.

Хевеши М.А. 2001. *Толпа, массы, политика: Ист.-филос. очерк*. М.: ИФ РАН. 223 с.

Чижова Т. 2013. Грамматика множества Паоло Вирно: к проблеме субъекта политического действия в эпоху постфордизма. – *Topos*. № 1. С. 133-142.

Штомпка П. 2005. *Доверие – основа общества*. М.: Логос. 664 с.

Шумпетер Й. 1995. *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика. 540 с.

Шуровьески Дж. 2007. *Мудрость толпы. Почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум формирует бизнес, экономику, общество и государство*. М.: И.Д. Вильямс. 304 с.

Яковенко И.Г. 2009. *Политическая субъектность масс. Культурологический аспект политической жизни в России*. М.: Новый хронограф. 177 с.

Alexander A.C., Welzel Ch. 2011. Measuring Effective Democracy: the Human Empowerment Approach. – *Comparative politics*. Vol. 43. No. 3. P. 271-289. DOI: http://dx.doi.org/10.5129/001041511795274931

Borch Ch. 2012. *The Politics of crowds*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. vii, 338 p.

Campbell A.L. 2012. Policy Makes Mass Politics. – *Annual Review of Political Science*. No. 15. P. 333-351. DOI: http://dx.doi.org/10.1146/annurev-polisci-012610-135202

Courageous Resistance: the Power of Ordinary People. 2007. N.Y.: Palgrave Macmillan. 210 p.

Hellwig T. 2015. *Globalization and Mass Politics: Retaining the Room to Maneuver*. Bloomington: Indiana Univ. 226 p.

Jensen C. 2012. Labour Market – versus Life Course-Related Social Policies: Understanding Cross-Programme Differences. – *Journal of European Public Policy*. Vol. 19. No. 2. P. 275-291. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/13501763.2011.599991

Kiser L.L., Ostrom E. 1982. The Three Worlds of Action: A Metatheoretical Synthesis of Institutional Approaches. – *Strategies of Political Inquiry*. Ed. by E. Ostrom. Beverly Hills: Sage. P. 179-222.

Lamprianou I. 2013. Contemporary Political Participation Research: A Critical Assessment. – *Democracy in Transition*. Ed. by K.N. Demetriou. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag. P. 21-42.

Mettler S., Soss J. 2004. The Consequences of Public Policy for Democratic Citizenship: Bridging Policy Studies and Mass Politics. – *Perspectives on Politics*. N.Y. Vol. 2. No. 1. P. 55-74.

Piven F.F. 2006. *Challenging Authority: how Ordinary People Change America*. Lanham etc.: Rowman & Littlefield Publishers, Inc. 195 p.

Rokkan S. 1970. The Growth and Structuring of Mass Politics in Western Europe: Reflections of Possible Models of Explanation. – *Scandinavian Political Studies*. Vol. 5. P. 65-83.

Studlar D.T., McAllister I. 2006. Does a Critical Mass Exist? A Comparative Analysis of Women's Legislative Representation since 1950's. – *European Journal of Political Research*. Vol. 41. No. 2. P. 233-253. DOI: http://dx.doi.org/10.1111/1475-6765.00011

Welzel Ch. 2008. The Role of Ordinary People in Democratization. – *Journal of Democracy*. Vol. 19. No. 1. P. 126-140. DOI: http://dx.doi.org/10.1353/jod.2008.0009

White J. 2009. The Social Theory of Mass Politics. – *The Journal of Politics*. Vol. 71. No. 1. P. 96-112. DOI: http://dx.doi.org/10.1017/S0022381608090075

DOI: 10.17976/jpps/2016.02.10

MASS POLITICS: ESSAY OF INSTITUTIONAL RECONCEPTUALIZATION

S.V. Patrushev[1], L.E. Philippova[2]

[1]*Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

[2]*Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

PATRUSHEV Sergey Viktorovich, Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher, Head of the Department of Comparative Political Studies, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Professor of Russian Foreign Trade Academy. Email: patrushev2009@hotmail.com; **PHILIPPOVA Lyudmila Evgenevna, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Senior Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences.** Email: ludmila_filippova@hotmail.com

Received: 14.12.2015. Accepted:11.01.2016

Abstract. In the article the authors attempt to re-conceptualize the idea of "mass politics" that is necessary for a more adequate understanding of the causes, factors and characteristics of growing mass political activity in Russia and around the world. Mass politics is viewed as the processes, which take place within the institutional space of mobilization, representation, participation and action. It is proposed to differentiate types of mass politics according to a distinction between concepts of "mass politics",

"politics of citizens", and "politics of multitude". The criteria used to categorize specific forms of mass activity are selected. The politics of citizens is defined by its' participants orientation towards fulfillment of their citizen rights and freedoms, or towards fight for a provision / extension / practicing thereof. The individuals getting into the politics of masses, are in their pre-civil, pre-legal condition, they essentially dismantle (modern) politics. The politics of multitude is practiced in an extra-state space of freedom and equality, where an individual is fulfilling human rights. Taking S. Rokkan's models of institutionalization and cleavages as a starting point, the authors elaborate a model which describes the foundations of mass mobilization and institutionalization of mass politics; they list a number of parameters which have to be analyzed to estimate the possibility of development of the politics of citizens, or of the politics of masses. Some of these parameters are verified using data from the mass survey conducted in the summer of 2014. It is demonstrated that in Russia there are preconditions for the emergence both of the politics of masses and of the politics of citizens. The survey data indicate some risks of individuals' transforming into a mass; at the same time, there are groups of respondents who have to some extent mastered the citizens' roles. Formation of a civic identity – empowerment – is a key condition for a democratic transformation of the political regime in Russia.

Keywords: masses; citizens; multitude; types of mass politics; political representation; political mobilization; political participation; political action; democracy; re-politization; Stein Rokkan; institutional model; identity; cleavages; empowerment.

References

Alexander A.C., Welzel Ch. Measuring Effective Democracy: the Human Empowerment Approach. – *Comparative Politics*. 2011. Vol. 43. No. 3. P. 271-289. DOI: http://dx.doi.org/10.5129/001041511795274931

Borch Ch. *The Politics of Crowds*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2013. vii, 338 p.

Bek U. Macht und Gegenmacht im globalen Zeitalter: Neue weltpolitische Ökonomie (Russ. ed.: Bek U. *Vlast I ee opponenti v epohu globalisma*. *Novaya vsemirno-politicheskaya economiya*. M.: Progress-Traditsiya; Territoriya buduschego. 2007. 464 p.)

Campbell A.L. Policy Makes Mass Politics. – *Annual Review of Political Science*. 2012. No. 15. P. 333-351. DOI: http://dx.doi.org/10.1146/annurev-polisci-012610-135202

Chizhova T. Paolo Virno's Grammar sets: the Problem of the Subject of Political Action in The age of Post-Fordism. – *Topos*. 2013. No. 1. P.133-142. (In Russ.)

Courageous Resistance: the Power of ordinary People. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2007. 210 p.

Demokratizatsiya. Sost. i nauch. red. K.V. Kharpfer, P. Bernkhagen, R.F. Inglkhart, K. Vel'tsel' [Democratization. Ed. by. K.V. Harpfer, P. Bernhagen, R.F. Inglehart, K. Welzel]. Moscow: Izd. dom Visshei shkoli economiki. 1065 p. (In Russ.)

Hellwig T. 2015. *Globalization and Mass Politics: Retaining the Room to Maneuver*. Bloomington: Indiana Univ. 226 p.

Hardt M., Negri A. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. (Russ. ed.: Hardt M., Negri A. *Mnozhestvo: voina i demokratiya v epokhu Imperii*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. 2006. 559 p.)

Heveshi M.A. 2001. *Tolpa, massy, politika: Ist.-filos. ocherk* [The Crowd, the Masses, Politics: Historical and Philosophical Essay]. Moscow: Institute of philosophy RAS. 223 p. (In Russ.)

Inglehart R., Welzel K. Modernization, Cultural Change, and Democracy: the Human Development Sequence. (Russ. ed.: Inglehart R., Welzel K. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 2011. 464 p.)

Jensen C. Labour Market – versus Life Course-Related Social Policies: Understanding Cross-Programme Differences. – *Journal of European Public Policy*. 2012. Vol. 19. No. 2. P. 275-291. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/13501763.2011.599991

Kiser L.L., Ostrom E. The three Worlds of Action: A Metatheoretical Synthesis of Institutional Approaches. – *Strategies of Political Inquiry*. Ed. by E. Ostrom. Beverly Hills: Sage. 1982. P. 179-222.

Kazintsev A. *Vozvrashchenie mass: dnevnik sovremennika* [The Return of the Masses: a Contemporary's Diary]. Moscow: Nash sovremennik. 2010. 688 p. (In Russ.)

Kildyushov O. Hardt M., Negri A. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. – *Kriticheskaya Massa*. 2006. No. 2. (In Russ.) URL: http://magazines.russ.ru/km/2006/2/ki30-pr.html (accessed 16.01.2016).

Lamprianou I. Contemporary Political Participation Research: A Critical Assessment. – *Democracy in Transition*. Ed. by K.N. Demetriou. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag. 2013. P. 21-42.

Mettler S., Soss J. The Consequences of Public Policy for Democratic Citizenship: Bridging Policy Studies and Mass Politics. – *Perspectives on Politics*. N.Y. 2004. Vol. 2. No. 1. P. 55-74.

Pareto W. *Trasformazione della democrazia* (Russ. ed. Pareto W. *Transformatsiya demokratii*. Moscow: Territoriya buduschego. 2011. 205 p.)

Patrushev S.V. The Formation of Civic Identity in Russia: From the Society of Clicks to the Practices of Citizenship. – *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2012. No. 11. P. 57-67. (In Russ.)

Patrushev S.V., Philippova L.E. Kontseptual'nye osnovy izucheniya massovoi politiki [The Conceptual Basis of the Study of Mass Politics]. – *Rossiiskaya politicheskaya nauka: idei, kontseptsii, metody. Pod red. L.V. Smorgunova* [Russian Political Science: Ideas, Concepts, Methods. Ed. by L.V. Smorgunov]. Moscow: Aspect Press. 2015. P. 36-46. (In Russ.)

Penzin A. "The Revolutionary Monster": the Concept of Plurality in the Philosophy of Antonio Negri. – *Sinii divan*. 2004. No. 5. P. 36-61. (In Russ.)

Penzin A. New Social Actors: Paolo Virno Version. – *Prognosis*. 2006. No. 3. P. 145-165. (In Russ.)

Penzin A. M for Multitude. Vmesto poslesloviya [M for Multitude. Instead of an Epilogue]. – Virno A. *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoi zhizni* [Virno A. A Grammar of the Multitude]. Moscow: Ad Marginem Press. 2013. P. 148-174. (In Russ.)

Piven F.F. *Challenging Authority: how Ordinary People Change America*. Lanham etc.: Rowman & Littlefield Publishers, Inc. 2006. 195 p.

Rokkan S. 1970. The Growth and Structuring of Mass Politics in Western Europe: Reflections of Possible Models of Explanation. – *Scandinavian Political Studies*. Oxford, 1970. Vol.5. P. 65-83.

Rancière J. Aux bords du politique. (Russ. ed.: Rancière J. *Na krayu politicheskogo*. Moscow: Praxis. 2006. 240 p.)

Shtompka P. *Doverie – osnova obschestva* [Trust – the Foundation of Society]. Moscow: Logos. 2005. 664 p. (In Russ.)

Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy (Russ ed.: Schumpeter J. *Kapitalism, socialism i demokratia*. Moscow: Ekonomika. 1995. 540 p.)

Surowiecki J. *Mudrost' tolpy. Pochemu vmeste my umnee, chem poodinochke, i kak kollektivnyi razum formiruet biznes, ekonomiku, obshchestvo i gosudarstvo* [The Wisdom of Crowds: Why the Many Are Smarter Than the Few and How Collective Wisdom Shapes Business, Economies, Societies and Nations. Moscow: Williams Publishing House]. 2007. 304 p. (In Russ.)

Studlar D.T., McAllister I. Does a Critical Mass Exist? A Comparative Analysis of Women's Legislative Representation Since 1950's. – *European Journal of Political Research*. 2006. Vol. 41. No. 2. P. 233-253. DOI: http://dx.doi.org/10.1111/1475-6765.00011

Virno P. Grammatica della moltitudine. (Russ. ed.: Virno P. *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoi zhizni*. Moscow: Ad Marginem Press. 2013. 177 p.)

Welzel Ch. The Role of Ordinary People in Democratization. – *Journal of Democracy*. 2008. Vol. 19. No. 1. P. 126-140. DOI: http://dx.doi.org/10.1353/jod.2008.0009

White J. The Social Theory of Mass Politics. – *The Journal of Politics*. 2009. Vol. 71. No. 1. P. 96-112. DOI: http://dx.doi.org/10.1017/S0022381608090075

Yakovenko I.G. *Politicheskaya sub"ektnost' mass. Kul'turologicheskii aspekt politicheskoi zhizni v Rossii* [Political Subjectivity of the Masses. Cultural Aspect of Political Life in Russia]. Moscow: Novii hronograf. 2009. 177 p. (In Russ.)